

В.Г. Гребенников, А.В. Суворов
**ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ И СОЦИАЛЬНАЯ
ПОЛИТИКА**

Участвуя в обсуждении сегодняшней темы «Теория и политика», мы хотели бы высказать и коротко прокомментировать два утверждения. Первое касается теории, второе - политики.

По части наукообразия экономическая печать последних лет - от публицистики до ведомственных докладов - далеко превзошла прежние образцы. Она густо нашпигована понятиями и специальными терминами макроэкономики и ссылками на теоремы и формулы. Гораздо хуже обстоит дело с **научной интерпретацией** фактического материала с помощью уже давно разработанного и достаточно отлаженного теоретического аппарата. Особенно этот провал заметен, когда речь заходит об оценках конкретных явлений, кажущихся парадоксальными на общем фоне.

Яркий пример - пресловутый индикатор *средней оснащённости российских семей автомобилями*. В последние годы он существенно повысился. Этот факт занял почетное место в попытках показать наличие позитивных сдвигов в уровне жизни. Во всяком случае, он используется как удобный прием для затемнения дискуссии вокруг социальных последствий осуществляемых реформ. Мол, оценки специалистов, опирающиеся на различные индикаторы, расходятся, общие выводы, дескать, не очевидны.

Между тем речь идет о заурядном **мошенничестве**. Утаивается адекватное научное объяснение данного феномена, хорошо известное специалистам, работающим с функцией потребительского спроса. Допустим - это делается по незнанию. Но разве не является мошенничеством использование для воздействия на публику профессионального статуса ученого? Примеров мошенничества и того, и другого рода сегодня достаточно, чтобы представлять серьезную угрозу авторитету отечественной экономической науки.

Повышение средней обеспеченности автомобилями связано, в первую очередь, с **громким негативным сдвигом в дифференциации доходов**. Если эластичность спроса на товар по доходу существенно выше единицы (в случае с автомобилями она около 2,5), то резкое увеличение

дифференциации способно поднять суммарный спрос на этот товар даже при снижении среднедушевого дохода. Дополнительная, но не главная причина роста спроса в данном случае - это более медленный рост цен на автомобили по сравнению со средним ростом цен.

С теми или иными уточнениями вывод очевиден: **указанный факт является лишь иным выражением поляризации доходов, косвенным индикатором ее глубины, но никак не симптомом благоприятных тенденций в уровне жизни населения.**

Действием громадной дифференциации доходов объясняется и значительное повышение доли сбережений в совокупных денежных доходах населения. Ведь эта статья расходов также характеризуется чрезвычайно высокой эластичностью по доходу (существенно выше 2). Отметим попутно, что львиную долю возросших сбережений составляют чистые покупки валюты, главным образом транзакционного назначения - под турпоездки за рубеж и расширение оборотного капитала для челночного импорта.

Весьма характерно, что, по официальным данным Госкомстата, в первой половине нынешнего года произошло снижение как уровня дифференциации доходов, так и доли сбережений в денежных доходах, ввиду резкого сокращения закупок валюты населением. Связь этих переменных, очевидная из теоретических соображений, наглядно подтверждается.

Итак, резкая поляризация доходов играет критически важную роль в научной интерпретации мнимого противоречия, каким предстает сопоставление динамики среднедушевых доходов и изменений в структуре расходов российского населения. **Поэтому естественно задуматься над вопросом об основном источнике поляризации доходов.**

Ясно, что здесь «сработали» два механизма, запущенные рыночными реформами. Первый - это механизм **перераспределения** произведенных доходов «от многих к немногим». Резкое сжатие производства не могло не ограничить влияния этого механизма на рост дифференциации доходов. Второй - это механизм **проедания национального богатства** страны, действовавший в сочетании с гиперинфляцией 1992-1995 годов. Выгодами от него воспользовалась лишь небольшая прослойка.

Информации для вполне строгих суждений на эту тему нехватает. Тем не менее достаточно веским представляется вывод, что именно механизм проедания национального богатства, то есть его перевода в непроизводительно расходующиеся текущие доходы, расхищения имущества государства и предприятий, концентрации в руках немногих частных лиц громадных инфляционных доходов внесли подавляющий вклад в поляризацию денежных доходов населения, не говоря уже о расслоении в собственности. Действием именно этого механизма можно объяснить также, почему спад производства опередил снижение среднедушевых доходов. **Таково первое утверждение, которое мы хотели бы сегодня высказать.**

Если принять этот вывод, то вырисовывается следующая мрачная схема. Мрачная как в проекции уже свершившегося, так и в отношении перспектив. До сих пор, благодаря прежде всего действию механизма проедания национального богатства, рост дифференциации доходов в России «тянул» за собой средний уровень доходов, притормаживая его снижение в меру сжатия отечественного производства и произведенных доходов. Тем самым сложились условия для возникновения эффектов перестройки структуры расходов населения, о которых шла речь выше. Тех, кому угодно оценивать их как достижения экономической политики, мы отсылаем к их подлинному источнику и предлагаем занести в разряд достижений той же политики весь механизм разворывания страны.

Проводившаяся с 1992 года «социальная политика» явилась логическим следствием данного механизма. Она в лучшем случае представляла собой латание дыр, в основном же - была либо набором деклараций, либо политиканством. Пример декларативных спекуляций - перекочевывающие из одного правительственного документа в другой рассуждения о «социальном партнерстве» и «трехсторонних соглашениях» в условиях отсутствия реальных субъектов этих соглашений. Пример политиканства - «реформирование» социальной сферы и жилищно-коммунального хозяйства. Несомненно, реформы здесь действительно необходимы. Однако беспристрастный анализ показывает суть этого «реформирования» - тривиальную попытку спихнуть

ответственность за тяжелое социально-экономическое положение на региональные власти.

Самое худшее заключается в том, что мы оказались в ситуации, когда весьма проблематично, а тем более невозможно улучшить положение беднейших социальных групп, приблизив их доходы к более благополучным слоям, одновременно решая задачу слома механизма, проедания национального богатства. Последнее неизбежно столкнет вниз средние доходы и блокирует соответствующие социальные мероприятия.

Собственно, самоедский экономический механизм рано или поздно зачахнет сам, и без активных действий правительства. Уже год-полтора он начал притормаживать, сыграли свою роль и внешние факторы. Следствием должно было стать снижение уровня дифференциации доходов и их среднего уровня. Это подтверждается данными за первое полугодие 1998 года, если о свертывании механизма проедания национального богатства судить по такому косвенному признаку, как увеличение доли зарплаты (основного легального источника доходов) в совокупных денежных доходах населения. Августовский кризис обозначил переход этого процесса в тяжелую форму.

Выбраться из тушика можно лишь поднимая реальное производство. Но это в принципе. Ограничиться этим направлением действий практически едва ли возможно. Видимо, не обойтись без того, чтобы государство само прибегло к тактике «проедания», но уже не упуская из рук выгоды от нее. Таково наше второе утверждение.

Эти выгоды можно было бы использовать на социальные мероприятия, поднимающие средний уровень доходов путем их увеличения в беднейших группах. Причем осуществить подъем среднедушевого дохода, так сказать, напрямую, минуя фактор поляризации доходов, это отвратительное следствие механизма самоедской экономики и одновременно - отыгравший свою роль извращенный способ его выживания.

Структура доходов населения в 1994-1998 гг.

	1994	1995	1996	1997	1 кв.1998
Денежные доходы - всего	100	100	100	100	100
В том числе:					
оплата труда	46,4	37,8	40,5	40,2	47,9
социальные трансферты	13,5	13,1	14	14,8	13,1
оплата труда и социальные трансферты	59,9	50,9	54,5	55,0	61,0

В.В. Радаев

**ОБ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОМ ПОДХОДЕ К
РОССИЙСКИМ ЭКОНОМИЧЕСКИМ РЕФОРМАМ**

Кризис - это не только потрясения и потери, но и возможность сделать шаг в сторону, попытаться посмотреть, что происходило, что происходит и (в какой-то степени) что может происходить.

В соответствии с самой простой схемой мы прошли через два крупных этапа, каждый из них заканчивался жестоким кризисом, который при этом не сметал всех свершений, но скорее менял доминанту, переводил стрелки в другую плоскость.

Первый этап, продолжавшийся с 1985 по 1991 год, называли перестройкой или временем Горбачева. Это был этап политической либерализации, его суть состояла в первую очередь в реконструкции советской политической и идеологической системы. И задача была более или менее успешно решена.

Наряду с этим происходили более или менее спонтанные изменения в экономике. Первый этап закончился путчем 1991 года и распадом Советского Союза.

Второй этап, который завершился на наших глазах в августе - сентябре 1998 года, обозначается как либеральные